

— А что с его братом? — спросил Люцзин. — Каждой живой душе даруется шанс на перерождение. Неужели Хухэ, став бессмертным, так и не попытался его отыскать?

Юноша искренне верил: если бы брат нашелся, Хухэ был бы счастлив, пусть даже тот ничего и не помнил о прошлой жизни.

Яньгу удивленно приподнял тонкую бровь, словно не ожидал подобного вопроса, и едва заметно усмехнулся.

— Отчего же, искал.

— И как? Нашел? — нетерпеливо спросил Люцзин.

Яньгу на мгновение задумался, глядя куда-то сквозь собеседника.

— Пожалуй, нашел.

— Пожалуй? — опешил юноша. — Что это значит?

Однако Король Яма лишь уклонился от прямого ответа.

— Довольно расспросов, ты и так узнал все, что тебе положено. Отдохни еще. На тебе лица нет. Позже я велю Цзюцину принести тебе еды из терема Лунного Сияния.

Люцзин мысленно вздохнул: разве можно считать это полноценными ответами? Но спорить с владыкой не осмелился. К тому же забота, с которой Яньгу бережно поправил его одеяло, странно грела душу. В этот миг Подземное царство показалось ему не таким уж и холодным.

Люцзин прикрыл глаза. На душе стало чуточку легче, и сонливость накатилась с новой силой. Но едва Яньгу поднялся с постели, намереваясь уйти, Люцзин тихо окликнул его:

— Владыка... А как звали брата Хухэ?

Яньгу обернулся, его алые шелковые одежды взметнулись ярким пламенем, оставляя в полумраке комнаты изящный след.

— Аньгэ. Мать надеялась, что его жизнь пройдет в мире и покое, словно прекрасная песня. Оттого и назвала Аньгэ.

Люцзин снова заснул, но даже в туманном лабиринте грез ему непрестанно слышалось это имя — Аньгэ.

Узнав о трагическом прошлом Хухэ, Люцзин стал относиться к нему совсем иначе. Теперь, сталкиваясь с его ледяным равнодушием или колкими замечаниями, он лишь кротко улыбался в ответ.

Такое всепрощающее благодушие искренне озадачивало лисьего бессмертного. При каждой встрече в его глазах читалось нескрываемое подозрение.

"Уж не повредился ли новоявленный судья умом?"

Шло время. Люцзин быстро освоился на судейском поприще. Его дружба с Фань Уцзю и Се Бианем крепла день ото дня, да и сам Король Яма уже не казался таким недосягаемым — в общении с ним появилось приятное тепло.

Поскольку Люцзин постоянно бывал в палате Яньло, слухи о новом судейском чиновнике невероятной красоты быстро разнеслись по Подземному царству. Дошло до того, что у ворот Палаты Яньло стали собираться толпы любопытных призраков. Как пояснил смеющийся Цзюцин, на их долгой памяти это был первый случай, когда должность судьи занял настолько юный и привлекательный парень.

Люцзин лишь качал головой от столь нелепого любопытства.

"Неужели здешним обитателям совсем нечем заняться? У них перед глазами грозный Король Яма и прекрасный лис Хухэ — два непревзойденных эталона красоты, равных которым нет во всех трех мирах. Зачем же толпиться ради того, чтобы поглазеть на меня?"

В один из редких свободных дней, когда судейские дела были отложены, Люцзин вызвался пойти с Цзюцином в лавку «Истинный аромат трупа», чтобы помочь с заготовкой плоти. Проведя в загробном мире несколько месяцев и однажды заглянув в бездну Восемнадцати слоев ада, юноша перестал содрогаться при виде расчлененных тел — теперь подобные зрелища казались ему сущим пустяком. Впрочем, пачкать руки он все еще не любил. Его задача была проста: посидеть в лавке за чаркой вина, подождать, пока друг закончит работу, а затем помочь дотащить тяжелые мешки до реки Забвения.

Час был ранний. На Призрачном рынке царил затишье: покупатели толпились в лавках, а на туманных улицах встречались лишь редкие тени. По пути к «Истинному аромату трупа» они проходили мимо лавки ритуальной бумаги. На пороге сидели три старухи-призрака в невзрачном тряпье. Одна была однорукой, другая — кривой на один глаз, а третья, хоть и уцелела лицом, сильно заикалась.

Люцзин шел чуть поодаль, надеясь проскользнуть незамеченным, но стоило им поравняться с крыльцом, как безрукая старуха зашептала товаркам:

— Глядите, глядите! Это же судья Люцзин! Каков красавец!

Одноглазая с ухмылкой подхватила:

— Девочки, а вы помните, какие условия выдвинул Его Величество пять месяцев назад, когда искал себе помощника?

"Условия?"

Люцзин наострил уши. Он припоминал, что Яньгу требовал кого-то видного, дабы не портить благородный облик судилища. Но к чему они клонят?

Заикающаяся старуха презрительно фыркнула и выдала:

— Да к-какие там... у-условия! Скажи п-проще: наш в-ладыка просто в-выбирал по р-роже!

Ее подруги согласно закивали, глядя на нее с искренним восхищением.

— Надо же! — в один голос выдохнули они. — Заикаешься через слово, а суть зришь прямо в корень!

Старуха горделиво вскинула подбородок:

— А т-то!

Люцзин, однако, так и не уловил, какое отношение эти пересуды имеют лично к нему. В отличие от него, Цзюцин все прекрасно понял и теперь вовсе давился беззвучным смехом. Они торопливо прошли мимо кумушек, но вслед им донесся очередной восторженный вздох:

— Конечно, выбирать судью только за красивые глазки — дело нечестное по отношению к простому люду, но боги мои, до чего же он хорош!

Люцзин не выдержал. Скосив глаза на едва сдерживающегося спутника, он недовольно нахмурился:

— Хочешь смеяться — смейся. Зачем лицо кривить? На тебя же смотреть больно.

Будь призраки способны краснеть, симпатичное лицо Цзюцина сейчас пылало бы густым румянцем.

— Да я же из вежливости! — выдохнул он. — Не хотел вгонять тебя в краску.

— И с какой стати мне смущаться?

Цзюцин наконец перевел дух и, уняв смех, принялся объяснять:

— Помнишь день, когда мы вместе пришли во Палату Яньло на отбор? Вся загвоздка именно в том дне. Владыка, едва завидев нас, сразу нацелился на тебя. Помнишь его слова? Он расхваливал твой благородный вид и статью, но потом сообразил, что его басня о "неподобающем облике ада" никак не вяжется со мной — я-то ведь тоже парень видный. Вот ему и пришлось спешно выкручиваться и спрашивать, кто из нас пришел наниматься.

Люцзин все еще недоумевал:

— Помню, конечно. Но откуда тебе знать? Владыка мог просто перепутать и подумать, что прошение подал именно я.

Цзюцин лишь покачал головой:

— Брось. Мы подавали прошения одновременно, он прекрасно знал наши имена. Все это было разыграно как по нотам. Он даже в список кандидатов не заглядывал — просто сидел и ждал, пока придешь ты.

От этих слов у Люцзина неприятно засосало под ложечкой. Выходило, что его попросту обвели вокруг пальца.

— Но зачем владыке устраивать подобное представление?

Цзюцин задумчиво потер подбородок, оглядывая друга с головы до ног загадочным, изучающим взглядом. Люцзин совсем растерялся под этим прицелом, ожидая услышать какую-то невероятную тайну, но парень лишь беспечно хмыкнул:

— Кто знает. Может, правы те старухи: владыка сам чертовски красив, вот и к окружению своему предъявляет завышенные требования.

"Неужели прежний судья был настолько уродлив, что на него невозможно было смотреть без содрогания?"

Люцзин нахмурился.

"Иначе с чего бы Яньгу так пекться о внешности преемника?"

— Вот с тех пор обитатели Подземного царства и шепчутся, что наш великий владыка — такой же раб земной красоты, как и простые смертные, — весело подытожил Цзюцин.

Люцзин не согласился — разве тягу к прекрасному можно назвать пошлой прихотью? В конце концов, сами призраки при виде Яньгу лишались дара речи. Они с Цзюцином немного поспорили об эстетике и природе суждений, но вскоре поняли, что сотрясать воздух без толку, и закрыли тему.

В лавке «Истинный аромат трупа» хозяин расплылся в подобострастной улыбке и поспешил им навстречу. Люцзину уже доводилось сопровождать Короля Яма во время обходов Призрачного рынка, так что здешние торговцы знали нового судью в лицо и заискивали перед ним при каждом удобном случае. Поскольку эти знаки внимания не переходили границ приличия, Люцзин не протестовал. Особое отношение хозяина лавки выражалось в приятной мелочи — чарке доброго вина, за которую с судьи никогда не брали платы.

— Господин судья, вам как обычно? — угодливо спросил толстяк.

"Как обычно" означало кувшинчик крепкого сифэнского вина и скромную тарелку нехитрой закуски.

Глядя на землистое, одутловатое лицо лавочника, Люцзин степенно кивнул. С тех пор как Яньгу угостил его в тереме Лунного Сияния редким вином из цветов рубуса, Люцзин пристрастился к хмельному. Увы, тот божественный нектар водился лишь в личных погребах владыки, так что здесь, в шумной лавке, кувшин сифэнского казался роскошью.

— Иди, я подожду тебя здесь, — обратился Люцзин к Цзюцину.

Тот поняливо кивнул и скрылся за дверью, ведущей во внутренний двор. «Истинный аромат трупа» оставался единственным заведением в Подземном царстве, имевшим официальное разрешение на торговлю мертвечиной. Почти все мясо, шедшее на столы обитателей Призрачного рынка, поставлялось отсюда, а потому от покупателей не было отбоя.

В передней части лавки располагалась небольшая таверна. Местные завсегдатаи частенько засиживались тут за едой, перебивая кости живым и делясь байками о мире людей. Люцзин любил слушать эти разговоры. Он никогда не бывал в поднебесном мире и порой втайне грезил о нем, но мысли неизбежно возвращались к Хухэ и его потерянному брату. При воспоминании о них сердце затапливала глухая тоска. Неужели мир живых и впрямь столь безжалостен?

Размышления прервал хозяин лавки, вовремя поставивший на стол поднос. Люцзин налил себе чарку, стремясь прогнать грусть легким хмелем.

Сифэнское вино славилось своим густым, благородным ароматом, мягким вкусом и долгим, чистым послевкусием. Конечно, оно уступало изысканному цветочному нектару Яньгу, но все же приносило приятное утешение.

— Слыхали? — донесся из-за соседнего стола приглушенный голос. — Давеча старый лодочник переправил через реку Забвения девицу неземной красоты. Говорят, ее уже повели в Палату Яньло.

"Неземной красоты?"

Люцзин прислушался.

— Да-само собой, ее доставили господа Непостоянства, — отозвался другой призрак. — Болтают, краше нее свет не видывал. Кожа нежная, как первый снег, пальцы тонкие, шея точеная, зубы жемчужные, а уж улыбка — чистый яд, наповал разит!

"Се Биань и Фань Уцзю привели?"

Люцзин насторожился.

"Кто бы это мог быть?"

Раз она так молода и прекрасна, ее имя непременно должно быть в сегодняшних списках умерших. Уходя с Цзюцином, он в спешке совсем забыл заглянуть в Книгу Жизни и Смерти. К счастью, священный фолиант всегда был при нем. Люцзин торопливо извлек его из широкого рукава и углубился в свежие записи. Наконец его взгляд зацепился за одну строку.

Страница тускло блеснула белым светом, и над бумагой проступили призрачные иероглифы:

«Вэй Чжюэ, уроженка Южного округа. Скончалась от тяжелого недуга на двадцатом году жизни...»

Поначалу это казалось самой обычной судьбой, но когда Люцзин дочитал запись до конца, у него по спине пробежал леденящий холод. Сердце испуганно сжалось, а лоб покрылся испариной. Какая горькая, немыслимая ирония! Воистину, пути провидения неисповедимы.

Люцзин поспешно захлопнул книгу и убрал ее в рукав, силясь вернуть лицу бесстрастное выражение, и сделал быстрый глоток из чарки. В этот момент к его столу подошел один из сидевших неподалеку призраков, признавший в нем судейского чиновника.

— Господин судья, вы ведь только что сверились с Книгой Жизни и Смерти? Стало быть, вам уже известно имя этой новоприбывшей красавицы?

Люцзин снова наполнил чарку и осушил ее одним глотком, едва замечая вкус хмеля.

— Известно, — рассеянно обронил он.

Все его мысли были заняты лишь одним: как преподнести эту весть Цзюцину?

— Эх, небеса завистливы к земной красе, — вздохнул собеседник. — Уйти в самом расцвете сил... Какая жалость.

— Да, — машинально поддакнул Люцзин. — Невероятная жалость. Просто ужасно.

Призрак, приободренный вниманием судьи, полюбопытствовал:

— И как же звать сию прелестницу, господин судья? Верно, имя у нее столь же прекрасное, как и она сама?

— Совсем не прекрасное, — покачал головой Люцзин. — Тут нет ничего хорошего.

Он понимал: если тайна открылась ему, то Король Яма наверняка уже все знает. Судя по времени, Вэй Чжюэ в эти минуты вступает под своды Палаты Яньло. Ей едва исполнилось двадцать, и она сгорела от болезни. А Цзюцин погиб ровно двадцать лет назад, также сраженный недугом. Все сходилось до мельчайших деталей. Ошибки быть не могло — Книга Жизни и Смерти никогда не лжет.

Призрак удивленно вылупил и без того выпученные глаза:

— Отчего же вы так суровы, господин судья?

Люцзин опомнился и резко поднялся из-за стола.

— Прошу простить, мне нужно идти. Кажется, Цзюцину срочно требуется моя помощь.

Бросив лавочнику монету, он поспешил на задний двор.

Озадаченный призрак проводил его недоумевающим взглядом и пробормотал вслед:

— Куда это он так рванул? Неужто решил сосватать девицу своему помощнику?

Но Люцзин уже не слышал его. Он мчался прочь так стремительно, словно за ним по пятам гнался разъяренный злой дух.

<http://bllate.org/book/18339/1786534>